

мас. 1737

ЧАЙНА.

Фантастически-сумасшедшие сцены с прологом, эпилогом, белибердой и прологом.

(Сюжет заимствованъ въ больницѣ для умалишенныхъ).

ПРОЛОГЪ.

Волково кладбище. Время неопредѣленное. Беллетристъ Чеховъ ирочно (родитъ съ лопатой и д'клавируетъ декадентскіе стихи.

Беллетристъ Чеховъ.

.... Бывало, все бывало! Да!

Какъ говорить почтенный Левъ-Акиба.

Старо все, вѣдано! Вотъ въ чей бѣда!

И станяюсь я вѣтъ, какъ рыба!

Гдѣ откопать сюжетъ,

Какого вѣтъ?

Чтобы вайти нѣтъ матерьялъ богатый,

Еще я поработаю лопатой!

(Копаетъ землю лопатой).

Создать и для театра должно „кое-что“.

Такое „кое-что“, чтобы айнула всѣ только...

И вотъ теперь копать изволь-га.

Не знать пусть того никто.

Мечтаю я о „формах“, о „пріемах“,

Еще по бывшихъ до сихъ поръ...

Бойсь, чтобы не вышелъ промахъ!

Пойду, всему воперекоръ.

(Работаетъ лопатой).

Сейчасъ, сейчасъ! Работа поддается

Всѣхъ поражу я драю своей.

Пусть плачетъ кто, а кто сибется

Знакомъ нѣтъ кругъ новыхъ друзей

Не драма будетъ—совершенство.

Въ ней новой жизни исцаннзтъ.

Да зд'авствуеъ и декадентство!

Да зд'авствуеъ и символизмъ!!

(Беллетристъ Чеховъ ударяется о сыру-землю три раза и превращается въ чайку. Чайка летитъ къ Александринскому театру).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Беллетристъ Тригоринъ и журналистъ Суворинъ.

Журналистъ Суворинъ. А я вамъ говорю великолѣпная вещь... Грохадный коллосальный талантъ... Цѣлая Вандонская колонна дарованія...

Беллетристъ Тригоринъ. Помилуйте, Алексѣй Сергѣевичъ, да я самый несчастный чел'вѣкъ... Ну, гдѣ же вы такого негодая видѣли, какъ я?

Журналистъ Суворинъ. Великолѣпно. Это совершенно новый пріемъ. Это что-то незаурядное... Это прекрасно.

Беллетристъ Тригоринъ. Однако, публика... того... шикаетъ.

Журналистъ Суворинъ. Это жиды шипятъ...

Жиды шипятъ, жиды шипятъ!

И ропаютъ въ нихъ досады и ядъ.

Отъ зависти волнуеъ всѣхъ

Таланта русскаго успѣхъ!

Беллетристъ Тригоринъ. Все это можетъ быть и вѣрно. Но ужасно неприятно говорить на сценѣ глупости подъ аккомпаниментъ такого шика. Я попрошу Карпоза освободить меня отъ этого.

Журналистъ Суворинъ. Мужайтесь, коллега, мужайтесь!

(Расходятся: беллетристъ Тригоринъ идетъ на сцену, а журналистъ Суворинъ—въ кресла).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Артистка Аркадина и артистка Комиссаржевская, потомъ беллетристъ Тригоринъ.

Артистка Аркадина. Послушайте: у меня есть 70 тысячъ денегъ и я справляла кбилей сценической дѣятельности.

Артистка Комиссаржевская. А я недѣлю только поступила на сцену и уже сунѣла понравиться публикѣ.

Артистка Аркадина. Вы? Поправиться публик? Ха, ха, ха! А что скажет Марья Гавриловна?

Артистка Коммиссаржевская. Хоть я и недавно на сцене, но я не согласна больше изображать сунаседших. Я протестую.

Артистка Аркадина. Подождите протестовать. Вы раньше должны отбить у меня беллетриста Тригорина.

Артистка Коммиссаржевская. Агъ, да! Въ самом дѣлѣ! Я объ этомъ чуть-чуть не забыла!

Артистка Аркадина. Это отлично, что вы еще не справили юбилей, какъ я. Впрочемъ, но бѣда: суфлеръ вамъ все равно напомнилъ-бы. Приготовитесь. Вотъ спѣ.

Артистка Коммиссаржевская. Кто? Суфлеръ?

Артистка Аркадина. Нѣтъ, Тригоринъ. (Тригоринъ входитъ, переполненный страстью). Беллетристъ Тригоринъ (съ пафосомъ).

Любовь юная и прелестная!

Мнѣ до сей поры неизвѣстная.

Въ мирѣ мечты и грезъ уносящая,

Счастье новое мнѣ дарящая.

О! Дайте мнѣ испытать эту любовь. О! Я никогда не испытывалъ такой любви, а между тѣмъ, я извѣстный беллетристъ. Нужно же, чортъ возьми, мнѣ испытать эту любовь, хотя-бы для сюжета новаго разсказа.

Артистка Аркадина. Что-жъ. Пожалуй. Я со своей стороны согласна.

Артистка Коммиссаржевская. Ну, тогда и я отказываться не буду.

Беллетристъ Тригоринъ. О! О! О! (Заключивается въ восторгъ, блаженства и счастья).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Декадентъ Треплевъ одинъ.

Декадентъ Треплевъ. Ну, что? Какое? А? Какую пьеску-то я састерилъ? О томъ, что будетъ съ душой Коммиссаржевской черезъ двѣсти тысячъ лѣтъ! Ого! Правда, за эту пьесу меня гаскали на освидѣтельство-ваніе къ доктору Чечотту, но все-таки пьеса написана въ самомъ декадентскомъ духѣ и Мережковский пошляковалъ даже меня.

Въ своемъ нѣтъ, у мамаша,

Въ театрѣ я обратилъ сарай.

На сцену вывелъ души наши,

Сюжетъ, какъ то ешь, разбирая.

Душа унылая бродила

По свѣту двѣсти тысячъ лѣтъ.

И въ тѣ теперь она ушло

Предъ публикой даетъ отвѣтъ.

И строкъ въ четыреста или триста

Она читаетъ монологъ.

Да, братцы, наша символика

Я поддержалъ, насколько могъ.

Однако, скучно! Не застрѣлится-ли отъ пегего дѣлать? Хорошая идея! (Вынимаетъ револьверъ и стрѣляетъ себѣ подъ мышку, такъ что портитъ только новый смокингъ). Не удалось! Ну, что же! Будетъ еще два акта глупости говорить. До свиданія, гос-

пода. Поѣду писать еще „Символистиче-скую пьесу. О ревуаръ. (Скрывается).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Актеры, суфлеръ, рецензенты и публика.

Актеры (на разные голоса). Да что это. Скоро ли кончится... Публика такъ шептать, что какъ суфлера не слышно. А безъ суфлера не сможешь играть. Карошъ оштрафуетъ...

Суфлеръ (изъ будки, силясь перекрычать шканье публики). Я слабый человѣкъ, я рылый человѣкъ... Я упираю.

Артистъ Давыдовъ. А я себѣ спокоино... Хорошенькая ролька, будь она ладна!

Актриса. А я все водку пью.

1-й актеръ. А я все валерьяниномъ каплями угошаю.

2-й актеръ. А я все анекдоты расказываю.

Артистъ Давыдовъ. (зѣвая) А я, слава Богу, все время сплю...

Рецензенты (хоромъ)

Сюда въ театрѣ побѣжавъ

Не ждали мы никакъ,

Что нашъ милѣйшій Чеховъ,

Такъ попадетъ въ просакъ!

Публика (шептать).

Журналистъ Суворинъ Браво: (громъ) гениальная вещь! Померкла теперь слава Гауптмана и Метерлинка!.. Браво!

(Общее замѣшательство. Публика шикаетъ. Рецензенты заостряютъ перья. Запавъ въ дѣлѣ).

ЭПИЛОГЪ.

Колосникъ Александринскаго театра. Чай летаетъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ

Чайка.

Скажу безъ утайки,

Печальнѣе чайки

Здѣсь вѣтъ никого,

Утѣхи мнѣ мало.

Погнѣло, пропало

Мое торжество!

Вела разговоръ мы

Про новыя „формы“;

Про новыя „прѣт“;

Но вышло на дѣлѣ.

Что въ луку мы съби

И плачетъ тайкомъ!

(Чайка продолжаетъ летать. Въ это время раздается голосъ декадента Треплева).

Голосъ Треплева. Чортъ возьми! Въ мнѣ еще разъ стрѣляться падо.

Погодите-же! Я придумалъ штучку.

Сейчасъ: разъ, два, три!

(Раздается выстрѣлъ. Тяжело раненая чайка падаетъ на сцену Александринскаго театра).

Чайка. Агъ! Убита! Прощайте! (умираетъ и оваливается).

Голосъ журналиста Суворина.

Ты умерла! И напишу я на могилѣ.

Что ты прекрасна, во тебя жиды убили Бѣдный Іонафанъ

(С.Я. Уколов)